

«Вчера в Москве на Триумфальной площади около 500 активистов движения “Порядок и Прогресс” сожгли и растоптали несколько тысяч экземпляров новой книги известного русского писателя Эдуарда Т. “Проклятие свободы”. По заявлению представителя движения, недовольство активистов вызвало то, что в книге Эдуарда Т. содержатся высказывания, порочащие честь и достоинство всенародно избранного президента, а также выпады против демократии и суверенитета государства. Акция сожжения книг Эдуарда Т. прошла под лозунгами “Хватит печатать ложь и порнографию!”...»

Александр Б. «Известия».

Первым делом нужно было на вокзал, узнать расписание поездов и купить билет. Эдик сунул руки в карманы, в одном из которых лежали деньги, в другом – пачка сигарет и зажигалка, прощальный подарок друганов. Под мышкой был небольшой полиэтиленовый пакет со спортивным костюмом, футболкой, парой носков и сменным бельём. Не выпуская пакета из-под мышки, он прикурил и посмотрел на часы. Ближился полдень. Нужно было поторапливаться на вокзал, чтобы не пропустить свой поезд.

Лучше потом погуляю, подумал Эдик. А то ещё, чего доброго, придётся ночевать на вокзале.

Быстрым шагом он двинулся вниз по Полтавскому Шляху, в направлении вокзала. С непривычки ему показалось, что он не идёт, а будто плывёт. После замкнутого пространства ему было как-то не по себе. Точно в замедленном кино, мимо прошла женщина. Она даже не взглянула на Эдика. За ней – мужчина в деловом костюме и с кейсом. За мужчиной – детвора с портфелями и школьными сумками. Все они двигались свободно и непринуждённо.

Солнце было уже почти в зените. По бирюзовому небу высоко-высоко скользили бархатистые облака. Начиналась полуденная жара. В тени нависавших над пешеходной аллеей густых крон деревьев было свежо и прохладно.

Эдик чувствовал некоторое неудобство и скованность.

Было такое ощущение, словно его зажали в железные тиски. Скванность незаметно росла. Бескрайний простор давил на него невидимым тяжким грузом, подкашивая колени, заставляя пригибаться к земле. Из всех сил он пытался сопротивляться этому, но, увы, тщетно. Он двигался, точно робот, как-то ломано и кособоко. Прохожие начали обращать на него внимание и понимающе отводили взгляды в сторону. Первые шаги давались с огромным трудом.

Бесконечный поток автомобилей, запрудивших Полтавский Шлях, заметно оживлял убогий урбанистический пейзаж города. До вокзала было рукой подать. Его островерхие своды, возвышавшиеся над близлежащими постройками, служили для Эдика ориентиром.

За всю дорогу он ни разу не обернулся назад, ни разу не взглянул на Холодную гору. Он торопился побыстрее убраться отсюда, скорее купить билет и уехать домой.

И, тем не менее, на душе скребли кошки. Было как-то грустно и одиноко. Словно недоставало чего-то. Ко всеобщему ощущению дискомфорта примешивалось чувство оторванности и покинутости, навевая тоску и ностальгию. Наряду с трепетным ожиданием чего-то радикально нового, однозначно лучшего, появился панический страх перед неизвестностью, перед невероятно огромным, сильно изменившимся за эти годы миром.

Эдику стало нехорошо. Он сел на лавочку и закурил. Голова раскалывалась на куски. Мысли о семье, о жене, о дочке путались с мыслями о друганах, о Генке, о Толяне, о Кохе. Грусть расставания и желание повидаться с ними не уступали жгучему желанию поскорее вернуться домой. Эдик посмотрел на часы.

У них сейчас обед, уставившись на циферблат, подумал он. В его воображении ожили лица друзей, и он заулыбался. А потом он подумал о жене и о дочке и понял, что ближе и роднее у него никого нет. И, докурив сигарету, снова заторопился на вокзал.

За железнодорожным мостом он свернул на Красноармейскую и вышел на привокзальную площадь. Там было оченьлюдно. На некоторое время с непривычки Эдик растерялся, увлечённо наблюдая за оживлённым движением на площади, и даже не заметил, куда подевались скванность, неудобство и дурные мысли. Он быстро осваивался в новой среде.

В кассах было целое столпотворение. Близилась майские праздники. Студенты и командировочные разъезжались по домам.

- Один плацкарт до Москвы на сегодня,- пригнувшись, сказал Эдик в крохотное окошко кассы, когда подошла его очередь.

- Сто пятьдесят семь рублей,- раздалось из окошка.

Эдик порылся в кармане и достал деньги.

- Сегодня, в двадцать один пятьдесят пять, московский поезд, третья платформа, двенадцатый вагон, сорок седьмое место,- снова раздалось из окошка.

Эдик забрал билет и отошёл в сторону. До отправления оставалось восемь часов.

Завтра утром буду дома, радовался Эдик, проверяя билет. От былой грусти и ностальгии не осталось и следа. Он ещё раз достал из кармана деньги и пересчитал их. Было пятьсот рублей с копейками. Всё, что заработал за эти годы.

Не густо, но на дороге хватит, главное, до Москвы добраться, подумал Эдик и пошёл прогуливаться по вокзалу. На ступеньках подземного перехода сидели бродяги. Их было трое.

-Здорово, мужики, - поприветствовал бродяг Эдик, присаживаясь рядом на ступеньках.

- Здорово, коли не шутишь, - ответил самый ближний к нему, с рыжей скомканной шевелюрой и красным одутловатым лицом.

- Чем промышляете? - Попытался завязать разговор Эдик.

- А тебе какое дело? - Недружелюбно огрызнулся рыжий.

- Да так, просто интересуюсь, - сказал Эдик.

- А чем Бог пошлёт, тем и промышляем, - сказал второй, с воспалёнными слезящимися глазами.

- Весёлая тут у вас житуха, - изучая собеседников, заметил Эдик.

Он достал из кармана пачку сигарет и предложил сигареты бродягам. Бродяги взяли по сигарете и закурили. Эдик закурил тоже.

- Всяко бывает, - выдохнув густой клуб дыма, сказал третий. - Бывает, что и дубинкой по хребту получишь, а бывает, что и свои же все карманы обчистят.

- И среди своих крыс хватает, - согласился с ним рыжий. - А ты чем промышляешь? - Обратился он к Эдику.

- Ничем, домой возвращаюсь, - ответил Эдик.

- Откуда? - спросил тот, что с воспалёнными глазами.

Эдик призадумался.

- Издалека, мужики, ох, как издалека.

- А ты, я вижу, калач тёртый, - придвинулся к нему рыжий. - С тобой можно и о серьёзных делах потолковать.

- Нет, мужики, - решительно заявил Эдик. - Ни о каких делах я больше не толкую. Хватит с меня и того, что было.

- Как знаешь, - ухмыльнулся рыжий. - И без тебя справимся.

В глубине подземного перехода появился ещё один бродяга. Болезненно раскачиваясь из стороны в сторону, он шёл по подземному переходу и заглядывал во все мусорные урны. В руке у него был пластиковый пакет с бутылками. Что-то знакомое мелькнуло в его внешности, но что, сложно было разобрать в полумраке подземного перехода.

- А вот и ваш коллега, - улыбнулся Эдик, заметив бродягу.

- Да нет – это не коллега, а конкурент, - злобно рявкнул рыжий и бросился в переход.

Тот, в переходе, не успел и опомниться. Рыжий с ходу засадил ему в ухо, первым же ударом опрокинув на спину. С дребезгом зазвенели разбитые бутылки. Накинувшись на него, не позволяя подняться, рыжий принялся осыпать его градом бешеных ударов. Катаясь в осколках битого стекла, несчастный бродяга лишь закрывался руками и глухо стонал под ударами рыжего.

В мгновение ока Эдик оказался возле рыжего и дал ему со всей силы ногой под зад. От неожиданности рыжий взвизгнул и, точно мяч, подскочил на месте. Побагровев от ярости, он двинулся с кулаками на Эдика. Удар в зубы откинул его назад и заставил скрючиться. Когда рыжий распрямился, в его руке был нож. Безумно скалясь окровавленным ртом, готовясь к броску, он смачно сплюнул кровью на пол.

В тот же миг в переходе раздался истошный вопль.

- Помогите, милиция, убивают, - орала перепуганная насмерть уборщица.

Рыжий сразу смекнул, в чём дело, и тут же исчез. Эдик подхватил валявшегося бродягу и потянул его к выходу. Бродяга был в полуобморочном состоянии. Когда они поднялись наверх, бродяга начал приходить в себя.

- Что со мной? - Произнёс он, ошалело глядя по сторонам.

- Оклемался? - Обрадовался Эдик и пару раз шлёпнул его ладонью по щекам. - Что-то мне твоя рожа знакома. Где-то я тебя уже видел. - Напрягая память, произнёс он.

Бродяга сосредоточил свой взгляд на Эдике. От неожиданности у того глаза чуть не полезли на лоб.

- Не может быть,- воскликнул бродяга. - Эдик, ты?

- Я, - недоумевая, подтвердил Эдик.

- Не узнаёшь?

- Не узнаю. Пстой, - напряжённо вглядываясь в собеседника, по слогам произнёс Эдик. - Саня? Тебя в таком наряде и при желании фиг узнаешь. Ну, ты и вырядился. Как тебя-то сюда занесло? Снова внедряешься? Вживаешься в образ? Очередное журналистское расследование? - Лепетал Эдик. - Ты так сильно изменился. Вылитый бродяга. Поздравляю. Ты всегда был мастером перевоплощений.

- Да уж, перевоплотился, дальше некуда, - горько вздохнул Саня, ощупывая разбитое лицо.

- Досталось же тебе,- посочувствовал Эдик. - Если бы не я, он тебя убил бы.

- Ничего, и не такое бывало, - отмахнулся Саня.

- Да, ты прав. На войне и не такое бывало, - согласился с ним Эдик.

- У них же тут весь город на территории поделен. Попробуй только на чужую сунуться, - объяснял Саня.

- Ну, и не совался бы сюда, если здесь чужая территория.

- Жрать захочешь и не туда сунешься.

- Это уж точно, - рассудил Эдик.

Глядя на Саню, у него начало закрадываться какое-то смутное подозрение.

- Послушай, а у тебя десятки в долг не будет? Я тебе отдам. Вот те хрест, отдам, - перекрестился Саня, делая как можно жалостливее лицо.

Эдик машинально сунул руку в карман и тут же остановился.

- Пстой. Ты есть хочешь? Так пойдём в какое-нибудь кафе. Вместе пообедаем. Я заплачу.

- Иди ты, знаешь куда, со своим кафе. Я десятку у тебя в долг прошу, - истерично взорвался Саня. - Не видишь, человек погибает. - Саня показал трясущиеся руки. - Похмелиться мне надо. Если не похмелюсь, сгорю.

И тут Эдик всё понял.

- Теперь вижу, - нерадостно произнёс он, глядя на Санины руки и опухшее перекошенное лицо. - Ну, показывай, где тут у вас похмеляются.

Они зашли в ближайший гастроном, Эдик взял сто граммов водки и несколько тошнотиков. Саня жадно опрокинул стопарь и стал уплетать тошнотики.

- А теперь рассказывай, как ты докатился до такой жизни, - не дожидаясь, когда Саня доест, начал допрос Эдик.

- А что тут рассказывать, - ничуть не смутившись, ответил

Саня. - Всё очень просто и, как всегда, банально. Ленка наставила мне рога, и я забухал. Да так забухал, что остановиться не мог. Сначала меня из редакции поперли, а потом и Ленка выставила. А как я здесь оказался, даже не знаю. Так закружило меня, Эдик, что и сам уже этому не рад. Да только ничего не поделаешь. Пропал я, Эдик. Как есть пропал. Запутался и выхода не вижу. Нет, Эдик, выхода. Никому я не нужен. Остаётся лишь бомжевать.

- Выход всегда есть, Саня.

- И, к тому же, без этой гадости я уже не могу. Алкашом я стал, Эдик, понимаешь, алкашом.

- Получается, ты смирился?

Саня угрюмо покачал головой.

- Легко же ты сдался.

- Нелегко, Эдик, нелегко.

- И нет желания снова стать человеком?

- Нет сил, Эдик. Устал я, раскис и расклеился. Только благодаря этой гадости я всё ещё держусь. Если бы не эта гадость, давно бы уже сгинул. Давай ещё дёрнем. Умоляю. Выручай. Душа горит. Похмелиться надо.

- Всё, хватит похмеляться, - грубо отрезал Эдик. - Для начала тебе нужно хорошенько поесть. А потом, подумаем, что с тобой делать.

Как Саня ни упирался, но Эдику удалось затянуть его в вокзальное кафе и заставить плотно пообедать. Только в кафе Эдик заметил, как от Сани нестерпимо воняет.

- Теперь ты рассказывай, как тебя сюда занесло, - сидя в кафе за столиком, без особого аппетита ковыряя вилкой гарнир, спросил Саня.

- Домой возвращаюсь, - ответил Эдик. Он чуть не подавился котлетой, когда Саня задал ему этот вопрос.

- Откуда?

- С курорта, - еле ворочая одеревеневшим языком, сказал Эдик, и это не укрылось от Саниного пытливого профессионального взора.

Он про себя ухмыльнулся.

- В Крыму отдыхал? - с незаметной издёвкой, еле сдерживая улыбку, спросил Саня.

- Да, в тех краях, - с набитым ртом, утупившись в тарелку, промычал Эдик.

Саня не мог больше сдерживать улыбку.

- Понятно, - скаля гнилые зубы, сказал он. - Выходит, не одного

меня жизнь крутанула на свой лад.

- Но я не поставил на себе крест и не сложил руки. И ни на минуту не терял человеческого достоинства и уважения к себе. В отличие от тебя, Саня, - защищаясь, с обидой и укоризной выпалил Эдик. - Бабы не стоят того, что бы из-за них так опускаться.

- Раньше я точно так же рассуждал. Пока Ленка не наставила мне рога. Оказывается, стоят. Любовь – ужасная сила. Как созидаящая, так и разрушающая. Сам видишь. Сколько лет прошло, каждый день думаю о ней и ничего поделать с собой не могу. И опустил из-за неё, суки.

- А в себе причины искать не пытался? Сам сколько раз Ленке изменял. Это не в счёт? За это себя ты не казнишь?

- Никогда не прощу ей измены. И всё равно люблю её, суку. Ну, скажи, зачем она это сделала? Только жизнь мне всю поломала. А, может, она хотела отомстить?

- Не исключено.

- Если так, то ей это удалось.

- Теперь всё ясно, - немного поразмыслив, рассудил Эдик. - Хватит по помойкам бомжевать. Поехали домой. Пора снова становиться человеком.

- Нет у меня больше дома. Бомж я.

- Ничего, новый построишь. Руки, слава Богу, не из ж... выросли. А пока поживёшь у меня. Место, я думаю, найдётся.

- Это невозможно. Вынужден отклонить твоё предложение.

- Это не предложение, а приказ.

- Мы не на передовой.

- Каждый день, как на передовой, - рявкнул Эдик, решительно надвигаясь на Саню.

После недолгих препирательств они направились в парикмахерскую. Там Саню побрили и подстригли под бокс. Затем они зашли в туалет. Саня скинул с себя свои вонючие лохмотья, кое-как обмылся с мылом в раковине, после чего надел чистую футболку и новый спортивный костюм Эдика.

- Приятно посмотреть. Отлично выглядишь, - удовлетворённо произнёс Эдик, окинув взглядом Саню с ног до головы. - Осталось только шкраги твои раздолбанные поменять.

- И откуда ты такой взялся на мою голову, деловой и доставучий? Сказал Саня, с любопытством разглядывая себя в зеркало.

- С курорта, я, кажется, уже говорил.

- Ага, я по твоим рукам сразу понял, на каком курорте ты отдыхал.

- Что ж. За ошибки нужно платить. Впрочем, сполна заплачено. Только не о таком будущем мы с тобой в госпитале мечтали.

- Это уж точно.

- Хватит дурака валять. Пора за голову браться.

- Поздно.

- Никогда не бывает поздно. Всё от тебя самого зависит.

- Не хочу я уже ничего. Оставь меня в покое.

- Не оставлю. Я, кажется, твой должник. Или ты забыл, как с осколком в плече вытаскивал меня из-под обстрела?

Саня машинально потянулся рукой к плечу.

- Такое не забудешь, - сказал он, потирая плечо.

- Где твои ордена?

- Не спрашивай, - Саня прикусил губу, и его голос дрогнул.

- Ты хоть знаешь, какой завтра день?

- Какой?

- Девятое мая, День Победы, - с насмешкой сказал Эдик.

- День Победы? - Совсем растерявшись, неподдельно удивился Саня. - Это Великий праздник.

- Это и твой праздник. Ты ведь герой войны.

- Да какой я герой? Убийца я, а не герой. И ты такой же герой, как и я.

- Я убивал, потому что хотел выжить.

- Все мы хотели выжить.

- Другого выхода не было.

- Ты смерти боишься?

- Конечно, боюсь. В этом нет ничего ненормального.

- Знаешь, а я вот порой думаю, лучше бы я там погиб, чем вот такая вот жизнь теперь.

- Глупости говоришь. Благодарю Бога за то, что остался жив, и думай о том, как снова стать человеком.

- Я в церквиту тысячу лет уже не был. Сколько раз попрошайничал под храмами, а ни разу не зашёл. Не верю я больше в Бога. Предал Он меня.

- Если бы Он тебя предал, гнил бы ты уже давно в сырой земле и кормил бы червей. Предал ты себя сам и Его предал. Потому что ничтожество и превратился. Но Бог милостив и великодушен. Он всех любит и прощает. Он и тебя любит.

- Почему же Он тогда меня до сих пор из этого дерьма не вытащил?

- Потому что ты этого не хочешь.

- Не хочу, - в сердцах оскалился Саня. - Сдохнуть хочу где-

нибудь под забором. Чтобы не мучиться больше.

Он не выдержал и зарыдал. По щекам покатались огромные, как горошины, слёзы.

- Сдохнуть проще всего. Да, жизнь нелёгкая штука.

- Паскудство сплошное.

- Но ведь живут же некоторые.

- Живут. И жизни радуются. И имеют всё.

- А мы чем хуже? Почему мы жить так не можем?

- Рождённый ползать никогда летать не сможет.

- Брехня всё это. Мы сможем. Иначе грош нам цена тогда.

- Скажи, ну чего ты ко мне прицепился, как репей?

- Я помочь тебе хочу.

- Чем ты мне можешь помочь? Ты такой же бедолага, как и я.

Ты сам в помощи нуждаешься.

- Мир не без добрых людей. Кто-нибудь поможет и мне.

Саня истерично расхохотался.

- Не смейся. Кому ты такой, на хрен, нужен? Каждый только о себе думает и о своей выгоде.

- Ничего, Санёк. Как-нибудь прорвёмся. И не из таких передрыг выбирались. Теперь нас двое. Вдвоём всёж- таки сподручнее будет. Приедем домой, поосмотримся, пройдемся по старым знакомым, повидаемся с однополчанами, может, кто чего и подскажет. Для начала любая работа сойдёт. Главное, чтобы копейка в кармане была. А там, глядишь, и по профилю что-нибудь подыщем.

- Вообще-то я журналист, если ты забыл. И умею только писать, и ничего больше не умею. К тому же я алкаш. Я без бухла не могу. Кто меня такого на работу возьмёт? Ещё и без прописки. Ленка меня, я уверен, давно уже выписала.

- Я тебя у себя припишу. И от пьянки вылечу, в два счёта, по-армейски, раз и навсегда, без докторов и экстрасенсов. Может, тебе и не понравится, но бухать больше не захочешь. Это я тебе гарантирую. Ты мне потом ещё спасибо скажешь. Так что не спеши себя хоронить. Нам с тобой и сорока нет. Вся жизнь впереди. Кто знает, а вдруг, ещё и с Ленкой у тебя наладится. А нет, так ничего страшного, плюнь на неё, другую бабу себе найдёшь. Главное, поверь в себя. И добьёшься всего, чего захочешь. Я в тебя, например, верю.

- А может, ты и прав. У меня эта бомжарня вот уже где, - Саня, словно ножом, резанул себя большим пальцем по горлу. - Если ты меня отсюда не выгатишь, я точно здесь сдохну. Или от бухла угорю, или прибьют где-нибудь ни за что.

- Вытащу. Даже если ты будешь против, я не оставлю тебя здесь. Иначе я себе этого потом никогда не прощу. Не хочу брать ещё один грех на душу.

Спустя несколько часов они прохаживались по перрону в ожидании поезда. Саня сжимал в кармане свой билет. Время от времени он окидывал себя взглядом и не верил своим глазам. Он всё ещё не мог привыкнуть к новой чистой одежде, удобной лёгкой обуви и отсутствию неприятного запаха, который преследовал его все эти годы.

Когда он смотрел на своё отражение в витражах, ему казалось, что он видит совершенно чужого, незнакомого ему человека. Он не узнавал себя, настолько сильно он свыкся и сжился со своим прежним обликом. С непривычки он испытывал некоторый дискомфорт, отчего чувствовал себя неуверенно и боязливо. В голове был настоящий бардак. И тем не менее, он всё сильнее и сильнее утверждался в мысли, что поступил верно и сделал правильный выбор. Он с отвращением теперь уже вспоминал о своей никчёмной бродяжьей жизни и больше не хотел возвращаться в тёмный душный подвал с крысами и тараканами.

Внезапно пробудившееся честолюбие будоражило его и пьянило. Боязнь и неуверенность вдруг сменились приливом необузданных свежих сил. Дискомфорт исчез. Он ощутил в себе огромный заряд энергии. Появилось желание действовать и доказать всем, на что он способен.

Эдик вдруг вспомнил, что забыл позвонить жене и предупредить её о своём возвращении. Он достал из кармана последние медяки и направился к таксофону.

- Говорите, я слушаю, - раздался в трубке незнакомый мужской голос.

От неожиданности Эдик растерялся.

- Вам кого? - В ответ на молчание с раздражением рявкнул мужской голос на другом конце провода.

Эдик совсем растерялся.

- Я набирал... - Эдик назвал свой телефонный номер.

- Вы правильно набрали, - подтвердил мужской голос в трубке.

- Кто вам нужен?

- А Людмила дома? - Не соображая, что делает, произнёс Эдик.

- Минуточку.

Вслушиваясь в тишину, прижавшись ухом к трубке, Эдик покрылся испариной и стал весь мокрый. По вискам заструился

пот.

- Она уже спит, - снова раздался в трубке тот же мужской голос. - Что ей передать? Кто звонил?

- Скажите, что звонили с работы. Я завтра перезвоню, - с трудом выговорил Эдик и положил трубку.

Некоторое время он стоял молча, переваривая произошедшее. Было такое ощущение, что его оплевали и окатили помоями из помойного ведра. Ярость и обида выворачивали нутро.

- Дрянь, - с гневом выдал он из себя ругательство и со всей силы двинул кулаком по таксофону.

Тот гулко вздрогнул, задребезжав стёклами, привлекая внимание. У Эдика появилось ужасное желание выпить. В этот момент началась посадка на поезд.

- Пойдём, нам пора, - заторопился Саня.

- Я остаюсь. Я никуда не еду, - решительно отрезал Эдик.

Затем достал из кармана свой билет, скомкал его, швырнул в урну и направился прочь. Молниеносно Саня выхватил из урны скомканный билет и преградил Эдику дорогу.

- Уйди, - угрожающе зарычал Эдик, напирая на Саню.

- Не уйду. Мы возвращаемся домой.

- Нет у меня больше дома.

- Новый построишь. Руки, слава Богу, не из ж... выросли.

- Я остаюсь, - яростно хрипел Эдик.

- Ты едешь со мной, - не уступал Саня.

- Не командуй. Мы не на передовой.

- Теперь каждый день, как на передовой. Если я тебя здесь оставлю, то потом никогда себе этого не прощу. Не хочу брать ещё один грех на душу...